

Как театрального актера народного артиста РСФСР Ефима Копеляна больше всего знают и любят в Ленинграде, где он играет в Большом драматическом театре им. М. Горького. Ну и, конечно, в тех городах, куда театр выезжал с гастролями. Как актера кино Копеляна знают все: он снимается с 1940 года, и разнообразные его герои неизменно запоминаются зрителями, будь то разведчик, доктор или жестижник, русский барин-меценат или аптекарь.

И, кажется, нет режиссера, который не подумал бы о Копеляне, подбирая актеров для нового фильма...

— Что привлекает вас в кино? Не мешает ли обилие киноэпизодов работать над большими и серьезными ролями в театре?

— Вам, наверное, часто приходится слышать от актеров о том, что любимая их роль—роль, еще не сыгранная. Кроме определенной доли кокетства, в этом утверждении безусловно содержится и ис-

тина: каждому актеру свойственно желание сыграть как можно больше ролей, попробовать себя и в «Гамлете», и в водевиле.

Быть может, им руководит стремление найти себя, надежда, что новая роль будет лучше сыгранной ранее. Но в театре репертуар обычно складывается так, что новая роль достается актеру раз в два-три года, в лучшем случае — два-три раза в год. Кино же привлекает меня именно разнообразием и неожиданностью ролей, пусть небольших, пусть второстепенных. Я сыграл их едва ли не тридцать. Были, конечно, и откровенные неудачи, когда не хотелось даже идти смотреть готовый фильм. Но скажу вам честно, в своих неудачах виню только себя: не автора сценария, не режиссера, не оператора, никого другого... Режиссер не виноват, если оказалось, что самому актеру нечего сказать, что ему нечего вложить в роль, которую он играет, кроме профессионального

умения, то есть, кроме ремесла. — Вы возлагаете целиком на актера вину за неудавшуюся роль, и это определяет следующий наш вопрос. Что вы думаете о проблеме взаимоотношений между актером и режиссером в кино?

— Мне кажется, что взаимоотношения актера и режиссера превращаются в проблему лишь в том случае, когда между актером и режиссером как художниками нет взаимопонимания, то есть они не единомышленники. Или когда различен уровень их талантливости. Иными словами, возникновение этой проблемы — отнюдь не закономерность. Что касается самостоятельности, то может ли быть скрипка в оркестре по отношению к дирижеру? Съёмочная группа — тот же оркестр. Идеальными, на мой взгляд, можно считать такие отношения между актером и режиссером, когда режиссер не надевает на актера колпак с готовым рисунком образа, а исходит

из того, что можно взять у актера как у художника и как у личности для данного образа.

— Вы сказали, что в кино вас привлекает разнообразие ролей. Можно ли объяснить лишь этим стремлением к разнообразию тот факт, что вы порой соглашаетесь сниматься в фильмах, заведомо обреченных на неудачу, в ролях скучных и неинтересных, не дающих ничего нового ни вам, ни зрителю?

— Увы, нельзя. Иногда выбор роли — результат безволия, мягкотелости, не очень строгого отбора. Пытаешься себя оправдать тем, что нехорошо обижать режиссера отказом, или тем, что какие-то стороны роли тебя привлекают. Но в общем это, конечно, беспринципность. Надо быть более разборчивым, всеядность всегда за себя мстит.

— Что может служить критерием отбора ролей? Может быть, определенная, ваша тема в искусстве?

— Это не очень простой вопрос. Есть ли у меня своя тема в искусстве? По внешнему признаку меня всегда привлекали роли с двойным или даже с тройным дном, с неожиданными поворотами и внезапными откровениями, когда законченный как будто негодяй вдруг совершает благородный поступок, а, казалось бы, ничтожество вырастает до Человека. Меня привлекают динамика становления, парадоксы психологии, очищение добра от шелухи.

Не знаю, будет ли это ответом на вопрос о моей теме в искусстве, но мне всегда хотелось, чтобы искусство больше учило любви, чем ненависти, чтобы оно учило взаимопониманию, дружбе, мужественной доброте, учило мирно жить на этой земле. Это вовсе не значит, что роль, отвечающая этой теме добра, должна быть непременно положительной — ведь играть можно и от противного. Однако более всего убеждают

зрителя, на мой взгляд, и не розово-положительные, и не чернотрипательные, а сложные люди, такие, например, как Савва Морозов.

— Скажите, каким ролям за время вашей работы в искусстве вы отдаете предпочтение хотя бы в процессе работы?

— В разные времена это были разные роли. Тут и возраст, конечно, имел значение, и влияние литературы, времени. В молодости меня особенно привлекала комедия, буффонада, трюковые роли. Но, надо сказать, они не очень мне удавались. Был у меня период, когда я увлекался людьми без определенного качества, то есть ролями-ребусами. Зрителю предлагалось разгадать такой ребус, а от актера требовалась максимальная сдержанность в характеристике своего героя. С точки зрения тренажа это было чрезвычайно полезно: я учился отбору изобразительных средств, учился умолчанию, за которым зритель

должен был угадывать гораздо больше, чем видел.

А сейчас мне больше всего хочется сыграть простого человека со всеми его сложностями. Чтобы это был обыкновенный человек, такой, как все, но чтобы он был Человеком.

Я хочу сыграть моего современника, моего знакомого, моего соседа. Живущего, как все мы, в бешеном ритме века, уставшего, быть может, не всегда удачливого, не очень заметного в толпе. Этот человек не спешит публично выразить себя, избегает излишней сущности его непременно должна проявиться в поступке или действии, он поступает так, что не только прекрасные его человеческие качества не вызывают сомнений, но и вполне очевидной и наглядной становится идея передачи от поколения к поколению высоких идеалов морали, гражданственности, красоты.

Вела беседу И. МЯГКОВА.

«Сов. кино» 12 окт. 1988

Ефим КОПЕЛЯН:

МОИ РАЗНЫЕ РОЛИ

Как театрального актера народного артиста РСФСР Ефима Копеляна больше всего знают и любят в Ленинграде, где он играет в Большом драматическом театре им. М. Горького. Ну и, конечно, в тех городах, куда театр выезжал с гастрольями. Как актера кино Копеляна знают все: он снимается с 1940 года, и разнообразные его герои неизменно запоминаются зрителями, будь то разведчик, доктор или жестянщик, русский барин-меценат или аптекарь.

И, кажется, нет режиссера, который не подумал бы о Копеляне, подбирая актеров для нового фильма...

— Что привлекает вас в кино? Не мешает ли обилие киноэпизодов работать над большими и серьезными ролями в театре?

— Вам, наверное, часто приходится слышать от актеров о том, что любимая их роль — роль, еще не сыгранная. Кроме определенной доли кокетства, в этом утверждении безусловно содержится и ис-

тина: каждому актеру свойственно желание сыграть как можно больше ролей, попробовать себя и в «Гамлете», и в водевиле.

Быть может, им руководит стремление найти себя, надежда, что новая роль будет лучше сыгранной ранее. Но в театре репертуар обычно складывается так, что новая роль достается актеру раз в два-три года, в лучшем случае — два-три раза в год. Кино же привлекает меня именно разнообразием и неожиданностью ролей, пусть небольших, пусть второстепенных. Я сыграл их едва ли не тридцать. Были, конечно, и откровенные неудачи, когда не хотелось даже идти смотреть готовый фильм. Но скажу вам честно, в своих неудачах виню только себя: не автора сценария, не режиссера, не оператора, никого другого... Режиссер не виноват, если оказалось, что самому актеру нечего сказать, что ему нечего вложить в роль, которую он играет, кроме профессионального

умения, то есть, кроме ремесла.

— Вы возлагаете целиком на актера вину за неудавшуюся роль, и это определяет следующий наш вопрос. Что вы думаете о проблеме взаимоотношений между актером и режиссером в кино?

— Мне кажется, что взаимоотношения актера и режиссера превращаются в проблему лишь в том случае, когда между актером и режиссером как художниками нет взаимопонимания, то есть они не единомышленники. Или когда различен уровень их талантливости. Иными словами, возникновение этой проблемы — отнюдь не закономерность. Что касается самостоятельности, то может ли быть самостоятельной даже первая скрипка в оркестре по отношению к дирижеру? Съемочная группа — тот же оркестр. Идеальными, на мой взгляд, можно считать такие отношения между актером и режиссером, когда режиссер не надевает на актера колпак с готовым рисунком образа, а исходит

из того, что можно взять у актера как у художника и как у личности для данного образа.

— Вы сказали, что в кино вас привлекает разнообразие ролей. Можно ли объяснить лишь этим стремлением к разнообразию тот факт, что вы порой соглашаетесь сниматься в фильмах, заведомо обреченных на неудачу, в ролях скучных и неинтересных, не дающих ничего нового ни вам, ни зрителю?

— Увы, нельзя. Иногда выбор роли — результат безволия, мягкотелости, не очень строгого отбора. Пытаешься себя оправдать тем, что нехорошо обижать режиссера отказом, или тем, что какие-то стороны роли тебя привлекают. Но в общем это, конечно, беспринципность. Надо быть более разборчивым, всеядность всегда за себя мстит.

— Что может служить критерием отбора ролей? Может быть, определенная, ваша тема в искусстве?

— Это не очень простой вопрос. Есть ли у меня своя тема в искусстве? По внешнему признаку меня всегда привлекали роли с двойным или даже с тройным дном, с неожиданными поворотами и внезапными откровениями, когда законченный как будто негодяй вдруг совершает благородный поступок, а, казалось бы, ничтожество вырастает до Человека. Меня привлекают динамика становления, парадоксы психологии, очищение добра от шлухи.

Не знаю, будет ли это ответом на вопрос о моей теме в искусстве, но мне всегда хотелось, чтобы искусство больше учило любви, чем ненависти, чтобы оно учило взаимопониманию, дружбе, мужественной доброте, учило мирно жить на этой земле. Это вовсе не значит, что роль, отвечающая этой теме добра, должна быть непременно положительной — ведь играть можно и от противного. Однако более всего убеждают

зрителя, на мой взгляд, и не розово-положительные, и не чернотрицательные, а сложные люди, такие, например, как Савва Морозов.

— Скажите, каким ролям за время вашей работы в искусстве вы отдаете предпочтение хотя бы в процессе работы?

— В разные времена это были разные роли. Тут и возраст, конечно, имел значение, и влияние литературы, времени. В молодости меня особенно привлекала комедия, буффонада, трюковые роли. Но, надо сказать, они не очень мне удавались. Был у меня период, когда я увлекался людьми без определенного качества, то есть ролями-ребусами. Зрителю предлагалось разгадать такой ребус, а от актера требовалась максимальная сдержанность в характеристике своего героя. С точки зрения тренажа это было чрезвычайно полезно: я учился отбору изобразительных средств, учился умолчанию, за которым зритель

должен был угадывать гораздо больше, чем видел.

А сейчас мне больше всего хочется сыграть простого человека со всеми его сложностями. Чтобы это был обыкновенный человек, такой, как все, но чтобы он был Человеком.

Я хочу сыграть моего современника, моего знакомого, моего соседа. Живущего, как все мы, в бешеном ритме века, уставшего, быть может, не всегда удачливого, не очень заметного в толпе. Этот человек не спешит публично выразить себя, избегает излишних, но однажды, в момент, когда сущность его непременно должна проявиться в поступке или действии, он поступает так, что не только прекрасные его человеческие качества не вызывают сомнений, но и вполне очевидной и наглядной становится идея передачи от поколения к поколению высоких идеалов морали, гражданственности, красоты.

Вела беседу И. МЯГКОВА.